

— Код от сейфа какой? — голос Ци Ханя был ледяным, как и хромированный циферблат его часов, который тут же холодно прижался к шее Фу Гэ.

Маленький бета задрожал, пальцы в панике пытались за что-то зацепиться, но носки ног не доставали до пола.

— Ты не заслужил знать, — сухо бросил Фу Гэ.

— Я слышал, там вроде четыре цифры? — выдохнул Ци Хань.

Стрелки кварцевых часов застыли ровно на полдень.

— Четыре цифры.. Ну, я могу трахать тебя с этого момента и до завтрашнего вечера. Думаю, к тому времени ты всё выболтаешь.

— Да пошёл ты! — взорвался Фу Гэ и, не раздумывая, плюнул ему в лицо.

Ци Хань мгновенно искажился в ярости. Секундой позже его пальцы впились в затылок Фу Гэ, с размаху швырнув его головой о стену.

— Да ты, сука, и в гробу, небось, огрызаться будешь!

Послышался сухой треск, последняя ткань, прикрывавшая худое тело, была беспощадно разорвана. Ци Хань не дал ему ни секунды на то, чтобы прийти в себя.

— А-а-а-а!

Фу Гэ взвизгнул, тело выгнулось дугой, по лбу и спине ручьями стекал холодный пот. Голова безвольно откинулась назад, обнажая тонкую шею, над которой тут же сомкнулись клыки альфы.

Ядовитый запах белого колокольчика впивался в кожу, разъедал нервы, стирая границы между болью и эйфорией. Вены пульсировали, словно напоминая, что он принадлежит только одному человеку.

Пять лет. Пять долгих лет. И вот снова — как тогда — его поднимают в воздух и жестоко насилуют, не оставляя ни единого шанса на побег.

— Больно, да? Малыш Гэ, значит, ты всё-таки знаешь, что такое боль? — Ци Хань усмехнулся, крепко сжав его подбородок. Глаза пылали алым огнём. — А когда ты вместе с папочкой пытался меня уничтожить, ты хоть раз задумался, каково было мне?!

— Ты сам этого добивался! Нечего теперь других винить! — наручники яростно стучали о стену, глухо звенели с каждым рывком, словно издевались.

— Такой благородный наследник, и вдруг решил пасть так низко ради какой-то жалкой формулы? Твоё самопожертвование просто поражает!

— Что, от моих объятий не воротило? Когда я был рядом, не хотелось блевануть? А когда мы делили постель, ты, наверное, едва сдерживал рвотные позывы, да?!

Ци Хань сорвался на крик, резко дёрнул его к себе, и Фу Гэ, широко раскрыв рот, беззвучно вскрикнул. Он изо всех сил пытался вдохнуть хоть немного воздуха, но вместо этого смог выдать лишь сдавленный, отчаянный всхлип:

— Я не... не...

Он до боли закусил атласную ленту, голова лихорадочно моталась из стороны в сторону. Глаза, чёрные как омут, были абсолютно пусты, а по щекам без конца струились горячие слёзы.

— Я говорил тебе, что я... ммф! Я, я не...

— Не ты? — альфа расхохотался холодно и зло, пальцы на шее Фу Гэ вдруг сжались сильнее. — Ты два года морочил мне голову, как последнему дураку, делал из меня посмешище, а теперь вдруг решил оправдаться?!

Маленький бета захрипел, грудная клетка болезненно сжалась. Лицо горело, слёзы катились по щекам, смешиваясь с горячим дыханием.

Ци Хань шумно втянул воздух и наконец ослабил хватку.

— Так что, это ты не украл мою рукопись или это ты не наставил мне рога? — его голос сорвался на хриплый смешок.

Он замер, прижавшись лбом ко лбу Фу Гэ, дышал тяжело и рвано, словно боялся спугнуть любую ложь. Будто хотел поверить, если тот сейчас хоть что-то скажет.

Но маленький бета лишь молчал долго-долго. И, опустив глаза, тихо прошептал:

— Я не знаю...

Треск. Кулак Ци Ханя с глухим звуком врезался в стену рядом. Горячее лицо медленно опустилось на тонкую шею, дыхание обжигало кожу.

— Честное слово, я бы задушил тебя прямо сейчас.

— Ты даже соврать нормально не можешь, да? — он рывком сорвал его с цепей и прижал к пыльному полу, пальцы впились в тонкую талию, сдавили так, что косточки захрустели. — Ты же у нас мастер врать и притворяться, не так ли?

Высокомерный, холодный, как айсберг, мальчик в белом свете луны теперь дрожал в грязи, униженный и растоптанный.

Ци Хань вдруг истерично рассмеялся. Зрачки бешено сужались, он вглядывался в исказившееся от боли лицо Фу Гэ, а сердце с каждой секундой болело всё сильнее, готовое разорваться.

Пальцы снова впились в его подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза:

— А ты не тот ли самый, кто совсем недавно лез мне в постель, пуская слюни от восторга? Не ты ли умолял меня трахнуть тебя сильнее? А что случилось с твоими актёрскими талантами, а? Почему теперь не играешь?

Сердце маленького беты больно сжалось от этих слов. Всё то отчаянное поклонение господину, каждый украдкой брошенный взгляд — теперь всё это казалось ему невыразимым позором.

— Заткнись! Замолчи! — Фу Гэ закричал, голос сорвался в хрип, а слёзы текли, не прекращаясь.

Ци Хань склонился ближе, кровь с плеча капала на висок Фу Гэ, оставляя тёмные следы.

— Так тебя это задело?

— Ты хоть представляешь, как ты выглядел, когда молил меня прижечь тебя сигаретой? — Ци Хань ухмыльнулся, голос был тёплым, как яд. — Таким жалким, таким одержимым мной... В здравом уме ты, наверное, не раз мечтал воткнуть мне нож в горло, но без памяти... без памяти ты был как преданный пёс, тянулся, заглядывал в глаза. Как я мог не пожалеть тебя?

— Не знаю... Я не знаю! Замолчи! — Фу Гэ сорвался на крик, отчаянно замотал головой, будто хотел вытряхнуть воспоминания.

Он рванулся, пытаясь уползти, пальцы беспомощно скребли пол, но ноги слушались плохо и безвольно волочились. Ци Хань лениво перехватил его за лодыжки и рывком вернул обратно.

— Не надо! — Фу Гэ кричал, пинался, кулаки судорожно били по груди альфы, целясь в раны. Красные, будто расплавленные, глаза смотрели с отчаянной ненавистью.

Ци Хань не чувствовал боли. Он только схватил его за волосы, заставляя поднять голову:

— Почему молчишь, а?

— Ты помнишь, каким горячим ты был вчера ночью, да? — Ци Хань прошипел, впиваясь взглядом в его глаза. — Я только прикоснусь — и ты сразу “люблю тебя”, поцелую — сразу плывешь. В тот момент я даже поверил, что у нас может всё снова получиться. Что мы могли бы начать сначала!

Голос вдруг сорвался, жёсткость сменилась горькой насмешкой.

— Но ты же всё вспомнил, да? Не мог ещё пару лет повыёбываться, да?

Ци Хань усмехнулся, впился в его губы грубо, почти до крови:

— Ну-ка, повтори вчерашнее. Скажи, что любишь меня. Скажи, что всегда будешь рядом.

Не успел договорить, как Фу Гэ вдруг резко сорвался, пальцы впились в его горло, дрожащие и холодные, но сильные, словно тиски. В исступлении он прокричал, голос был охрипшим, едва тянущим:

— Я ненавижу тебя! Я никогда тебя не прощу! Я мечтаю только об одном — чтобы никогда не встречать тебя!

Сухой удар. Фу Гэ рухнул на пол, а Ци Хань тяжело дышал, побелевшими пальцами сжимая кулаки. Глаза горели алым, голос был холодным и острым, как клыки гадюки.

— Ты сказал не то.

Он прижал его к ступеням, и ночь не собиралась заканчиваться. День и ночь, без остановки, до боли, до безумия.

Но сколько бы Ци Хань ни твердил, сколько бы угроз ни шептал на ухо, Фу Гэ больше не произнёс ни слова “люблю” или “нравится”. Даже когда раздался звонок.

Было раннее утро. Первый луч утреннего солнца пронзил мёртвую ночь, тонкой, почти насмешливой полосой лег на их лица.

— Код от сейфа расшифрован, — коротко отчитался Чэнь Син.

Ци Хань убрал телефон, тёплое дыхание обожгло ресницы Фу Гэ.

— Ну что, Сяо Гэ, ждёшь с нетерпением?

Фу Гэ смотрел на него пустыми глазами, безжизненно. Потом одёрнул губы в нечто, похожее на улыбку, горькую, как полынь.

Ци Хань вызвал дворецкого и приказал обработать раны. Сам ушёл, не оглянувшись. В дверях бросил ему мятый пиджак, чтобы тот хоть как-то прикрылся. Тот самый Ци Хань, ради которого Фу Гэ когда-то срывался в другой конец города, чтобы найти идеальную ткань для костюма, теперь даже не потрудился дать ему целую одежду.

Фу Гэ с трудом сомкнул тяжёлые веки, сознание провалилось в темноту.

Когда Ци Хань примчался на виллу, Чэнь Син уже ждал его у входа, теребя в руках тёмно-синий сейф.

— Ну что, братан, вскрываем? Или тебе помочь?

Ци Хань хмыкнул, облизнул пересохшие губы:

— Не надо. Что там может быть нового? Ну, максимум, что-то вроде тех грязных приёмчиков, что любил его папаша.

Ци Хань гнал машину на полной скорости. Когда он влетел в особняк, Чэнь Син уже ждал его у входа с небольшим металлическим ящиком в руках. С того самого дня, когда началось крушение семьи Фу, Ци Хань искал этот сейф больше пяти лет. И вот теперь, когда он наконец оказался у него в руках, он внезапно понял, что не может заставить себя его открыть.

— Пять лет, пять ебучих лет ты искал этот грёбанный ящик. Не хочешь, чтоб я открыл его за тебя? — Чэнь Син покачал коробку в руках, выжидающе глядя на него.

Ци Хань усмехнулся, неохотно, словно бы самым этим жестом пытался разрядить вязкое напряжение, стянувшее его мышцы.

— Не нужно. Всё равно там окажется что-то из той же грязной игры, что он и его отец провернули тогда.

Он столько раз прокручивал в голове возможные варианты того, как именно Фу Гэ планировал довести его до конца. Сначала использовать эмоции, чтобы подобраться ближе, потом аккуратно вытянуть из него всю нужную информацию, а когда дипломатия перестала бы работать — перейти к открытому принуждению. И если бы он упрямо продолжал сопротивляться, что тогда?

Запер бы его, как когда-то его отец? Колол бы препарат за препаратом, пока он не перестал бороться?

Ци Хань сглотнул, чувствуя, как горечь оседает в горле, но всё же поднял руку и с нажимом повернул замок. Крышка сейфа откинулась с глухим щелчком.

Ци Хань с трудом сглотнул горечь в горле, потянулся к сейфу и достал толстую папку с надписью “План охоты”.

Тетрадь оказалась увесистой, почти с палец толщиной.

— Столько страниц... Вот уж действительно желал мне смерти, да? — Ци Хань горько усмехнулся, открыл первую страницу и замер.

«Моему мистеру Медвежонку».

— Хм? — Чэнь Син заглянул через плечо. — Кто ещё этот Медвежонок?

Перед глазами Ци Ханя тут же мелькнуло фото Фу Гэ в постели с другим. Лицо исказилось, и он, не раздумывая, с силой выдрал эту страницу и смял в кулаке.

— Кто-кто... Да этот ублюдок, его хахаль.

Но то, что оказалось на следующей странице, заставило кровь застыть в жилах.

На развернутом листе была нарисована сцена на баскетбольной площадке: мальчишка с мячом стоял в лучах закатного солнца, белые цветы боярышника кружили вокруг его ног.

Ци Хань медленно провёл взглядом по руке мальчишки, потом по его шее — и в следующую секунду наткнулся на собственное лицо.

Дыхание перехватило. Сердце колотилось так, будто хотело пробить грудную клетку. Руки мелко дрожали, когда он разворачивал уголок страницы и читал торопливо написанные, кривоватые строки:

“Учитель сказал, что любовь размывает взгляд художника. Даже самый сильный и неприступный человек в твоих глазах может выглядеть невыносимо милым.

Пусть он и был самым высоким альфой на площадке, но, когда держал мяч, мне казалось, что это медвежонок обнимает горшочек с мёдом.”

“Первый день, когда я влюбился в А Ханя. Он был таким... милым.”

Ци Хань долго смотрел на эти слова. Он перечитывал эти строки снова и снова, дрожащими пальцами проводя по нарисованному лицу, глядя линии, словно пытаясь убедить себя, что это подделка, очередная ложь.

Но в голове уже разгоралось страшное подозрение. Мысль, пробравшаяся в сознание, хищно сжала его, но он тут же, почти с яростью, оттолкнул её.

— Нет... Нет, не может быть... — голос сорвался, превратившись в глухой, болезненный шёпот.
— Это уловка. Это всего лишь ещё один обман!

Он резко вскинул голову, зрачки расширены, дыхание сбито. Он вцепился в ворот Чэнь Сина, словно ища опору в реальности, выдавливая охрипшим голосом:

— Он знал, что я найду этот сейф. Всё подстроено. Это... это всего лишь очередная ловушка, чтобы сбить меня с толку.

Чэнь Син, который и сам выглядел ошеломлённым, сжал его плечи, удерживая от окончательного падения в бездну.

— Брат, давай просто... просто продолжим читать. Посмотри дальше.

— Да... Да... Надо посмотреть дальше... — Ци Хань машинально закивал, но в голосе его уже не было той жёсткости, что прежде.

Он переворачивал страницы, рывками, дрожащими руками, иногда срывая уголки, иногда перескакивая по несколько десятков листов. Губы его шевелились, что-то неслышно повторяя, но с каждой новой страницей, с каждой новой датой внутри него что-то безвозвратно рушилось.

2015 год, 18 июня.

На рисунке — баскетбольная площадка, мальчишка, упавший на асфальт, из разбитого колена тонкой струйкой течёт кровь.

“Сегодня мистер Медвежонок упал во время игры, поранил колено, кровь была повсюду. После ужина я долго лежал в постели, не мог заснуть.”

2015 год, 21 июля.

На бумаге — он сам, парящий в воздухе в момент броска, баскетбольный мяч летит в кольцо.

“Сегодня мистер Медвежонок попал семь раз подряд. Он так радовался, обнимал команду. Я тоже хочу научиться играть... хочу быть его напарником.”

2015 год, 15 августа.

Фу Гэ, маленький силуэт под огромным зонтом. Позади — фигура, протягивающая руку, удерживая его за ремень рюкзака.

“Сегодня мы возвращались в общежитие вместе. Лил сильный дождь, я чуть не поскользнулся в лужу. Он поймал меня за рюкзак. Если бы я был кроликом, то этот дождь был бы из морковок.”

2015 год, 27 октября.

На рисунке он сам, запрокинув голову, пьёт воду, капли стекают по шее.

“У мистера Медвежонка слишком много поклонников, а я так и не решился подойти. Любить кого-то так трудно... Можно ли мне хоть немного надеяться?”

— Как... Как это возможно... — губы Ци Ханя дрожали, голова моталась из стороны в сторону, словно он хотел сбросить этот кошмар. Он судорожно вцепился в волосы, пальцы врезались в кожу.

Тетрадь упала на пол, раскрытая на странице, которая сжала его сердце железными тисками.

2017 год, 8 июня.

Рисунок — водная гладь, в которой отражаются две упавшие цветочные лепестка.

“Сегодня мистер Медвежонок признался мне в любви. Я буду любить его изо всех сил. Всегда.”

Он не мог пошевелиться.

Полсантиметра бумаги, тысяча страниц, тысячи мгновений, записанных с болезненной тщательностью.

Каждая из них — о нём. От первого класса старшей школы и до самого дня их свадьбы.

Это не был никакой «План охоты на Ци Ханя». Это был дневник.

Фу Гэ вёл его два года, восемь месяцев и четырнадцать дней.

— Он любил меня... — голос сорвался, слова звучали, как сломанные. — Маленький Гэ... он правда меня любил.

В голове всплывала лишь одна картина, ночь перед тем, как Фу Гэ потерял голос.

Как он, сломленный, неподвижно лежал в ванне, а Ци Хань продолжал ломать его, не слыша, не желая слышать. Как, задыхаясь от боли, бета с трудом поднял руку и надел кольцо ему на палец.

Как, едва размыкая губы, охрипший, полумёртвый, он прошептал последние слова, которые ещё мог сказать.

— Ци Хань... верь мне... я правда люблю тебя...

Но обезумевший альфа, ослеплённый ненавистью, закрыл ему рот ладонью, сорвал кольцо с пальца и бросил его под ноги.

— Я больше не хочу слышать твоего голоса.

С тех пор Фу Гэ больше не мог говорить.

Ци Хань зажмурился, мотнул головой, словно мог так прогнать этот ужас, а потом, с яростью, отчаянием, глухой ненавистью к самому себе, ударил себя по лицу.

Раз, два.

Когда рука врезалась в край стола, он даже не почувствовал, как ногти содрались, как под ними выступила кровь.

Но руки не слушались, пальцы всё ещё судорожно сжимали тетрадь, словно та могла хоть как-то исправить произошедшее.

— Брат, хватит! — Чэнь Син бросился к нему, пытаясь его удержать, но едва коснувшись, сам потерял равновесие. Они вместе рухнули на пол.

Тетрадь выскользнула из рук, страницы раскрылись, и по ним всё ещё бежали размазанные слёзы.

Ци Хань задыхался от ярости, но эта ярость была направлена только на одного человека – на него самого. Если бы он мог, он бы разорвал время, разодрал его на клочья, проскользнул бы сквозь годы и убил себя тогдашнего, того, кто разрушил всё.

— Я уничтожил его... — голос сорвался, превратился в едва слышный шёпот.

Чэнь Син молча сжал кулаки, его глаза покраснели, но он ничего не сказал. Он лишь протянул руку, схватил его за плечо, дёрнул, пытаясь поднять. В этой неуклюжей борьбе что-то соскользнуло с края тетради и упало на пол.

Ци Хань замер. Это был тот самый клочок бумаги, который когда-то взял Фу Гэ.

Пальцы медленно сомкнулись на ткани, выцветший узор шёлка был холодным, шероховатым, но больше всего его ударило то, чего там не было.

Никаких формул.

Никаких улик.

Только рисунок.

Его собственный портрет, спешно набросанный мягким графитом. Ци Хань почти не дышал, пока переворачивал последнюю страницу, находя несколько неровных строк.

«Сегодня Мишка одолжил мне черновик. Папа случайно увидел его и сказал, что эта шёлковая бумага очень ценная, хотел забрать в компанию для исследований. Но это вещь, оставшаяся от отца А Ханя, её нельзя отдавать чужим. Поэтому я сделал грубую копию, намазал на неё случайные линии и отдал им. Если уж что-то рисовать, то я нарисую его».

Он не знал. Фу Гэ никогда не знал про ненависть. Про долгую, выжженную временем вражду. Про грехи и ошибки прошлого, которые гноились годами, накапливались, росли, пока не превратились в катастрофу.

Тетрадь почти кончилась, страницы бежали одна за другой, обрываясь на последней, на той, где в верхнем углу стояла дата:

14 февраля 2018 года.

Ци Хань медленно развернул её.

Нарисованные от руки две фигуры стояли бок о бок в свадебных нарядах, вокруг них плавно

рассыпались едва уловимые контуры фейерверков.

А внизу, выведенные аккуратным почерком, две последние строки.

«Зима уходит, весна приходит. Ты — моя муза. В каждом моём сне ты — мой самый яркий свет».

Он больше не сдерживался. Рёв вырвался из его груди, когда он, не раздумывая, с силой ударился лбом об пол, но даже эта боль не смогла заглушить ту, что разрывала его изнутри.

А потом он сорвался с места.

Схватив тетрадь, он бросился к выходу, слепо, наощупь, не видя перед собой ничего, кроме белых страниц, на которых записана каждая секунда того, что он разрушил.

Он бежал не разбирая дороги, налетая на углы, сбивая мебель, пока лестничная площадка не пошатнулась под его ногами, а затем — темнота.

<http://bllate.org/book/14453/1278308>